

Разработка принципов составления официальной истории казачества в Военном министерстве

А. Ю. Перетяцько

Для цитирования: *Перетяцько А. Ю.* Разработка принципов составления официальной истории казачества в Военном министерстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 546–571. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.214>

В начале XX в. Военным министерством была предпринята попытка написать официальную историю российского казачества, закончившаяся полным провалом. Статья посвящена первому этапу работ над этим проектом, в ходе которого высшие чины Военного министерства пытались понять, как организовать научные исследования прошлого всех казачьих войск. На основании материалов отдела рукописей Российской национальной библиотеки автор показывает, что уже на этом этапе четко определились факторы, обрекшие правительственный проект на неудачу. Прежде всего следует выделить личностный фактор: в России в принципе не было историков, которые были достаточно подготовлены к немедленной работе над таким циклом книг. В итоге разработку принципов научного исследования прошлого российского казачества доверили историку-любителю, генерал-лейтенанту Н. А. Маслаковцу. Его крайне неудачные решения породили целый ряд организационных и концептуальных проблем. Так, генерал отрицал необходимость подготовительных работ, сравнивая поиск источников и литературы с деятельностью «мифического Сизифа», на том основании, что за время собирания подобного материала неизбежно будут выходить новые книги, а в архивах может быть найдено множество прежде неизвестных документов. Н. А. Маслаковец считал ненужным и единый план исследования, опасаясь, что подобная регламентация приведет к «стеснению производителей трудов этих». Основой официальной истории казачества он видел консервативную концепцию публицистического характера казака-воина, в которую не укладывались многие исторические факты. Даже в своем «общем историческом взгляде на появление и развитие казачьих войск в России» генерал вышел за рамки этой концепции, уделив основное внимание не предусмотренным ею вопросам, например, о происхождении или времени возникновения казачества. Результатом исследования, проведенного автором статьи, является вывод о том, что личностный, организационный и концептуальный факторы обрекли на провал попытки создать официальную историю казачества еще до того, как начался поиск авторов для «исторических описаний» отдельных казачьих войск.

Ключевые слова: проблемы историографии начала XX в., Военное министерство, официальная история казачества, А. Н. Куропаткин, П. О. Щербов-Нефедович, Н. А. Маслаковец.

Артем Юрьевич Перетяцько — канд. ист. наук, науч. сотр., АНО «Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований», Российская Федерация, 354000, Сочи, ул. Горького, 89а, офис 4; ArtPeretatko@yandex.ru

Artyom Yu. Peretyatko — PhD in History, Reseacher, International Network Center for Fundamental and Applied Research, 89a, Office 4, ul. Gorkogo, Sochi, 354000, Russian Federation; ArtPeretatko@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

The Development of the Principles of Writing of the Official History of the Cossacks in the Ministry of War

A. Yu. Peretyatko

For citation: Peretyatko A. Yu. The Development of the Principles of Writing of the Official History of the Cossacks in the Ministry of War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 2, pp. 546–571. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.214>

At the beginning of the 20th century the Ministry of War of the Russian Empire attempted to write the official history of the Russian Cossacks, which ended in complete failure. The article is dedicated to the first stage of the work on this project, during which the high ranks of the Ministry of War tried to understand how to organize scholarly research into the past of all Cossack troops. On the basis of the materials from the Manuscripts department in the National Library of Russia, the author demonstrates that at this stage the factors that predetermined the failure of the government project were clearly defined. Firstly, a personal factor is worth considering: there were no historians who were sufficiently prepared to immediately undertake work on such a series of books in Russia at the beginning of the 20th century. As a result, the development of the principles of scholarly research into the past of the Russian Cossacks was entrusted to the amateur historian Lieutenant-General N. A. Maslakovets. His extremely unsuccessful decisions gave rise to many organizational and conceptual problems. For example, the General denied the significance of preliminary research. He compared the search for sources and literature with the activity of ‘mythical Sisyphus’ explaining that during the process of collecting material, new books would inevitably come out and new, previously unknown documents, would be discovered in the archives. N. A. Maslakovets also regarded a unified research plan as unnecessary step on the grounds that such kind of regimentation would ‘constrain the creators of these works’. He perceived the journalistic conservative concept of a Cossack warrior as the basis for the official history of the Cossacks, which failed to accommodate many historical facts. Even in his ‘broad historical perspective’ on the emergence and development of the Cossack Hosts in Russia the General went beyond the boundaries of this concept, having focused on such questions as the descent and origins of Cossacks. As a result of the research, the author concludes that personal, organizational and conceptual factors had foredoomed attempts to create an official history of the Cossacks to failure even before the search for authors for “historical descriptions” of Cossack Hosts began.

Keywords: issues of historiography of the beginning of 20th century, Ministry of War of the Russian Empire, official history of the Cossacks, A. N. Kuropatkin, P. O. Scherbov-Nefedovich, N. A. Maslakovets.

В начале XX в. Военное министерство предприняло попытку создать официальную историю российского казачества. Этот амбициозный и почти неизвестный даже ученым, профессиональным историкам, проект потерпел крах после более чем десятилетия работ, охвативших столицы и казачьи войска¹, и не оставил после

¹ Донской краевед А. А. Кириллов прямо связывал рост интереса донского общества к истории казачества в первое десятилетие XX в. с этим правительственным заказом. См.: *Кириллов А. А. Краткое обозрение истории о донских казаках*. Новочеркасск, 1909. Как следует из материалов Государственного архива Ростовской области (далее — ГАРО), написание очерков по истории Донского войска лично курировали атаманы К. К. Максимович, Ф. Ф. Таубе, П. И. Мищенко, их программа многократно обсуждалась на заседаниях местного статистического комитета. В Москве и Санкт-Петербурге были созданы специальные группы из служащих и учащихся там казаков для копирования архивных материалов, а в донских газетах печатались заметки о идущих работах с просьбами

себя заметного следа в отечественной историографии. А. А. Волвенко, посвятивший отдельную статью неудачным попыткам властных структур в рамках данного проекта организовать написание книги о Донском войске, пришел к неутешительным выводам: проведенные работы оказались полезными для многих их участников, использовавших найденные материалы в своей научной работе, прямо не связанной с правительственным заказом². Современный историк также приводит цитату из постановления Военного совета, из которой следует, что в других казачьих войсках дела обстояли еще хуже, и только на Дону и на Урале удалось довести исследования хотя бы до достойного опубликования промежуточного результата³.

Бесплодные в прямом смысле этого слова попытки написать официальную историю казачества контрастируют не только с затраченным на правительственный проект временем, но и с тем, насколько важные лица выражали личную заинтересованность в нем: в подготовительных работах участвовали военный министр А. Н. Куропаткин, ряд высокопоставленных чиновников центрального аппарата Военного министерства, атаманы казачьих войск, историки с всероссийскими именами и авторитетные местные краеведы⁴. Почему же такое амбициозное предприятие закончилось практически ничем? Что помешало создать хотя бы черновики истории отдельных казачьих войск, которые удовлетворяли бы правительственным требованиям? В настоящее время, когда остро стоит проблема государственного и общественного заказа исторических текстов, когда властные структуры снова выделяют значительные ресурсы на проведение исторических исследований, негативный опыт прошлого столетия особенно актуален. В своей статье мы попытаемся показать, какие ошибки были допущены еще до того, как к реализации правительственного проекта приступили на местах, и найти концептуальные и организационные недостатки сделанного Военным министерством заказа. Ведь написать официальную историю не смогли ни в одном казачьем войске, и, следовательно, было что-то в спущенном сверху задании, что делало его невыполнимым, причем эта невыполнимость не была очевидна тем людям, которые пытались реализовать правительственный проект в течение более чем десятилетия. Возможно, ошибки, допущенные высокопоставленными чиновниками и генералами начала XX в., покажут, каким не должен быть государственный заказ в области истории и сегодня.

Основой для нашего исследования послужили дела из хранящегося в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) личного фонда генерала Н. А. Маслаковца, который в 1901–1902 гг. как раз разрабатывал те принципы, на которых должна была основываться официальная история казачества. К сожалению, в этом фонде сохранился только черновик подготовленного им доклада,

оказать помощь энтузиастам. В других казачьих войсках работы велись на аналогичных основаниях. См. «Доклад членов Областного Статистического комитета о ходе работ по собиранию материалов для составления «Истории Войска Донского»» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631) или «Дело по составлению Истории Войска Донского. Часть вторая» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 649).

² Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 125.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же. С. 115–125.

написанный крайне неразборчиво и содержащий массу исправлений⁵. Хотя он в принципе читаем, некоторые слова в приводимых нами цитатах восстановлены предположительно, а некоторые нам вообще не удалось разобрать. Однако можно с уверенностью говорить, что основой для правительственного заказа стал именно этот доклад, поскольку, как мы покажем ниже, отдельные места из него были дословно включены в отправленные в казачьи войска распоряжения о необходимости написания местных историй. Мы будем также использовать материалы из Государственного архива Ростовской области (ГАРО), чтобы показать, каким образом организовывались удачные научные исследования, проводимые по заказу правительства, и, кроме того, обратимся к материалам из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), проливающим свет на специфику казачьих войск, атаманом которых был Н. А. Маслаковец.

Что касается литературы, то количество исследований по истории казачьих войск 1861–1905 гг. относительно невелико⁶, а для темы нашего исследования огромное значение имеет упомянутая выше статья А. А. Волвенко «Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.)», которая, насколько нам известно, является единственным отображением в современной историографии попытки Военного министерства написать официальную историю казачества. Благодаря этой статье мы можем сравнивать то, как представлял себе написание исторических трудов об отдельном казачьем войске Н. А. Маслаковец, с тем, как данный процесс выглядел в реальности. Кроме того, хотя попытки генерала проявить себя на научном поприще не привлекали внимания исследователей, целый ряд текстов посвящен его деятельности как правительственного чиновника⁷.

Идея сделать государственный заказ на написание трудов по истории казачества зародилась у военного министра А. Н. Куропаткина в 1899 г. во время путешествия по Сибири, когда генерал написал в одной из резолюций: «Надо поспешить с составлением подобных исторических трудов по каждому из казачьих войск, по определенной программе, о его прошлом; затем составить, по общей программе, описания о настоящем казачьих войск; тогда легче будет, без ошибок и сомнений, решать все вопросы, определяющие будущее каждого из казачьих войск в отдельности и всех вместе»⁸. Таким образом, в первоначальные планы Военного министерства входило создание даже не официальной истории казачества, но некоей универсальной системы текстов о прошлом и настоящем всех казачьих войск, эта система текстов должна была предназначаться для правительственных чиновников и использоваться при определении государственной политики на казачьих территориях. Необходимость как-то познакомить должностных лиц из центрального ад-

⁵ *Маслаковец Н. А.* Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России. С сопроводительным рапортом // Российская национальная библиотека (далее — ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 4.

⁶ *Chuiikov O. E., Gordeev I. A., Batyrov V. V.* The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century // *Bylye gody*. 2016. Vol. 41, iss. 3. P. 675–687.

⁷ *Скорик А. П.* Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. С. 81–109; *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 276–284.

⁸ *Маслаковец Н. А.* Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 1–1 об.

министративного аппарата Российской империи с реальным положением дел в казачьих войсках назрела давно: еще один из предшественников А. Н. Куропаткина на посту военного министра Д. А. Милютин отмечал, что когда он в 1871 г. посетил Донское войско, оказалось, что казаки во многом не соответствуют представлениям о них, господствовавшим в Военном министерстве⁹. Но именно потому, что ничего подобного проекту А. Н. Куропаткина в России конца XIX в. не существовало, сам военный министр едва ли четко представлял, как должна выглядеть система текстов, которую он предложил создать. Во всяком случае он не сделал в своей резолюции никаких указаний по этому поводу, ограничившись заявлением о том, что для решения «сих вопросов» нужно организовать «особое делопроизводство в Главном Управлении Казачьих войск»¹⁰. Написать о прошлом и настоящем казачества было вменено в обязанность тем же самым чиновникам, которых А. Н. Куропаткин предполагал более детально ознакомить с его историей! Даже если оставить в стороне данное противоречие, Главное управление Казачьих войск не обладало ни опытом, ни человеческими ресурсами для решения подобной задачи. Но распоряжение военного министра было получено, и руководитель министерства генерал-лейтенант П. О. Щербов-Нефедович был вынужден отреагировать на него.

Судя по всему, П. О. Щербов-Нефедович не слишком торопился. Только в ноябре 1900 г. Главное управление Казачьих войск внесло на рассмотрение Военного совета доклад № 1354, содержащий предполагаемый план предстоящих работ. Идея А. Н. Куропаткина создать «особое делопроизводство в Главном Управлении Казачьих войск» нашла в нем поддержку, однако предлагалось возложить на членов этого делопроизводства не написание каких бы то ни было текстов, но неопределенно долгую «подготовительную работу». По мнению чиновников Главного управления, прежде всего следовало собрать «возможно полные сведения о имеющихся печатных материалах по истории казаков», составить «для сих материалов систематический сборник» и «напечатать рукописные материалы, имеющиеся во многих архивах казачьих войск»¹¹. Более того, даже эту работу «особое делопроизводство» «едва ли могло» успешно выполнять из-за «неудовлетворительного состояния в целом книжного материала». Чтобы разрешить эту проблему, нужна была специализированная библиотека по истории казачества, но приобрести ее одновременно не представлялось возможным, и поэтому рекомендовалось увеличить финансирование Главного управления, чтобы постепенно сформировать при нем книгохранилище из «книг исторических, как всех вновь выходящих, так, главным образом, и прежде вышедших»¹². Приступить к «составлению исторических описаний» автор доклада предполагал только после полного завершения всех подготовительных работ, причем не гарантировалось, что эту задачу возьмет на себя именно «особое делопроизводство»¹³. Вопрос о создании «описаний о настоящем казачьих войск» в докладе № 1354 не поднимался вовсе, а «особое делопроизвод-

⁹ *Volvenko A. A. D. A. Milyutin and Cossacks // Bylye gody. 2016. Vol. 40, iss. 2. P. 406–407.*

¹⁰ *Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 1 об.*

¹¹ Там же. Л. 2–2 об.

¹² Там же. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 2.

ство», исходя, видимо, из специфики лежащих на нем задач, именовалось также «историческим»¹⁴.

Фактически уже тогда первоначальная идея А. Н. Куропаткина оказалась искажена. Автор доклада № 1354 предложил организовать написание не системы текстов о прошлом и настоящем казачьих войск, а лишь написание официальной истории казачества, основой же должна была стать не «определенная программа», о которой писал военный министр, но собранные в ходе «подготовительной работы» источники и литература. Чтобы понять причины такого искажения, следует обратиться почти на полвека назад, к 1867 г., когда в очередной раз реформировалась структура Главного управления иррегулярных войск, впоследствии переименованного в Главное управление Казачьих войск. Хотя научная работа не входила в задачи этого органа, его вновь создаваемому четвертому отделению, называемому также межевым и статистическим, было вменено в обязанность собирать географические и статистические сведения о казачьих войсках¹⁵. Первым начальником этого отделения стал Н. И. Краснов, крупнейший донской статистик второй половины XIX в., занимавший эту должность пятнадцать лет¹⁶. В Главном управлении служил и другой известный казачий статистик — М. П. Хорошхин¹⁷. Наконец, сам П. О. Щербов-Нефедович был военным статистиком и даже преподавал эту дисциплину в Николаевской академии Генерального штаба¹⁸. Именно статистические исследования традиционно представляли собой основную, хотя и необязательную научную деятельность чиновников Главного управления Казачьих войск, и поставленную военным министром задачу они попытались решить с применением статистической методологии. Подобно тому, как статистик собирает первичную информацию, чтобы на ее основе прийти к выводам и обобщениям, офицеры Главного управления предлагали сначала собрать и систематизировать как можно больше текстов по истории казачьих войск. У такого подхода были свои существенные плюсы, и, возможно, реализация доклада № 1354 вовлекла бы в научный оборот упомянутые рукописи из архивов казачьих войск, в том числе и те, что впоследствии погибли в ходе Гражданской войны.

Однако эта «подготовительная работа» с точки зрения озвученной Военным министерством задачи действительно была только подготовительной, и ее непосредственным результатом могло стать составление сборников документов, но никак не «исторических описаний» казачьих войск. Главное управление даже не указало, берется ли оно организовать создание этих описаний в обозримом будущем. Более того, упор на технические проблемы и необходимость предварительного сбора информации позволили полностью обойти в докладе № 1354 вопрос о том, что же должна представлять собой официальная история казачества. Военному совету предлагалось одобрить «подготовительную работу». Именно поэтому доклад № 1354 не встретил поддержки.

¹⁴ Там же. Л. 2 об.

¹⁵ Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI, ч. 1. СПб., 1902. С. 422–424.

¹⁶ *Peretyatko A. Y. The Importance of “Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for This Military Service Exemptions And Privileges” of N. I. Krasnov in The Legacy of The Author, and Social-Political Life of The Don 1860 // History and Historians in the Context of the Time. 2017. 15(1). P. 8.*

¹⁷ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. С. 690.

¹⁸ Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI, ч. 1. С. 792–797.

Заседание Военного совета 17 мая хотя и одобрило именно «исторические исследования», а не более масштабный проект по созданию цикла книг о прошлом и настоящем казачества, все же постановило не организовывать «постоянного исторического делопроизводства», а найти «достаточно подготовленное к этим работам особое лицо» для обеспечения «должных устроенности и быстроты» в «разработке истории казачьих войск»¹⁹. Те технические проблемы, которым был посвящен доклад № 1354, просто снимались: задача создания «исторических описаний» перекладывалась с Главного управления на специально нанятого профессионального историка, не нуждавшегося в подготовительной работе. Однако очевидной кандидатуры в распоряжении Военного министерства не нашлось, и ее предстояло искать на стороне²⁰. Начинать же эти поиски было признано нецелесообразным до решения ряда организационных вопросов: П. О. Щербову-Нефедовичу поручили сначала составить программу предстоящих работ, определить срок их проведения, «выяснить порядок приглашения» подходящего для этих работ исследователя и, наконец, назначить ему гонорар²¹. Последнему же оставалось только выполнить спущенную сверху программу, как ее выполняли бы чиновники, члены «исторического делопроизводства» при Главном управлении Казачьих войск. Таким образом, Военный совет фактически разделял авторство официальной истории российского казачества между двумя лицами. Мы не хотим сказать, что при подобном подходе написать серьезный исторический труд было невозможно в принципе. Однако перед правительственным чиновником, волею судеб ставшим «соавтором» профессионального историка, к тому же еще не назначенного, стояла сложнейшая задача: разработать качественный, отвечающий уровню развития исторической науки начала XX в. план целого цикла книг, объединенных стилистически и методологически, четко сформулировать для их будущего автора основные вопросы, на которые он должен будет дать ответ, и при этом не связать его по рукам и ногам мелочным регламентированием.

К чести П. О. Щербова-Нефедовича, он, по-видимому, даже не взялся за выполнение этой задачи, очевидно лежащей за пределами компетенции военного статистика. Об этом можно судить по тому, что к 21 декабря 1901 г., когда составление программы официальной истории казачьих войск было передано другому лицу²², последними документами по этой теме так и остались доклад № 1354 и ответ на него Военного совета²³. Незадолго до этой даты П. О. Щербов-Нефедович лично встретился с А. Н. Куропаткиным и сообщил ему об отказе Военного совета одобрить создание «исторического делопроизводства» при вверенном ему Главном управлении. Военный министр согласился с этим решением и предложил кандидатуру генерал-лейтенанта Н. А. Маслаковца для «разработки оснований по составлению истории казачьих войск»²⁴. Таким образом, именно Н. А. Маслаковцу выпало стать своеобразным идеологом официальной истории казачества, автором ее концепции

¹⁹ *Маслаковец Н. А.* Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 1 об.

²⁰ Там же. Л. 1 об. — 2.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Главное управление казачьих войск. Начальник. Предложение Николаю Алексеевичу Маслаковцу приступить к разработке принципов исторического исследования казачьих войск // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 3. Л. 1.

²³ *Маслаковец Н. А.* Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 3.

²⁴ Главное управление казачьих войск... Л. 1–1 об.

и разработать принципы организации исторических исследований. Утверждение А. А. Волвенко о том, что функции генерала сводились к сбору материалов для истории казачьих войск²⁵, представляет собой очевидную неточность. Военный совет как раз хотел свести к минимуму сбор этих предварительных материалов и был против того, чтобы подобной работой на постоянной основе занимались штатные чиновники Военного министерства.

Обратим внимание на еще один значимый момент. Уже к этому времени первоначальная задача, которую А. Н. Куропаткин рассчитывал решить с помощью написания официальной истории казачества, перестала быть приоритетной: и в приказе Н. А. Маслаковцу заняться «разработкой вопроса по изучению казачьих войск», и в докладе, подготовленном генералом в соответствии с этим приказом, игнорируется вопрос о том, как конкретно исторические труды будут помогать правительственным чиновникам в определении дальнейшей судьбы казачьих регионов. Не придавал особого значения Н. А. Маслаковец и пожеланиям Военного совета: в своем докладе он не дал ясных ответов на вопросы о том, на каких основаниях следовало приглашать авторов для трудов по истории отдельных казачьих войск и какое вознаграждение им полагалось. О сроках исполнения работ в докладе генерала вообще не говорилось ни слова. Нетрудно заметить, что проект А. Н. Куропаткина по созданию цикла книг о казачестве из способа решения определенных проблем правительственной политики сразу превратился в самоцель, причем каждый новый чиновник и каждая новая инстанция из-за отсутствия конкретных критериев, которым проект должен был удовлетворять, видели его итоговый результат по-своему.

Как нам представляется, главной и решающей ошибкой Военного министерства стал именно выбор Н. А. Маслаковца в качестве автора «оснований» для написания официальной истории казачества. На первый взгляд этот выбор был логичен и очевиден: генерал был автором нескольких научных работ, наибольший успех из которых снискало «Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков»²⁶. По поводу этого исследования крупный донской статистик С. Ф. Номикосов писал: «Труд в высшей степени серьезный, до мельчайших подробностей тщательно обработанный. Подобные образцовые труды крайне желательны и по отношению к другим местностям»²⁷. Это произведение Н. А. Маслаковца выдержало испытание временем: им продолжают пользоваться современные ученые, в том числе такой авторитетный историк, как К. Н. Максимов²⁸. При этом с 1894 г. Н. А. Маслаковец находился в распоряжении военного министра, выполняя своеобразные функции «генерала по особым поручениям» в казачьих войсках. Вероятно, наибольшую известность получила его командировка на Дон в 1898–1899 гг., когда столичный чиновник выступал в роли председателя комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и изыскания

²⁵ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... С. 116.

²⁶ Маслаковец Н. А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1–2. Новочеркасск, 1872, 1874.

²⁷ Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 6.

²⁸ Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в.). Ростов н/Д., 2016. С. 269–271.

мер к восстановлению его благосостояния²⁹. Посещал Н. А. Маслаковец со специальными заданиями и другие казацкие войска, о чем свидетельствуют как материалы его личного фонда в ОР РНБ, так и изданный в 1903 г. «Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско»³⁰. К этому стоит добавить еще и то, что военный чиновник двадцать лет прослужил на Дону, достигнув должности помощника атамана по гражданской части, а затем почти восемь лет был оренбургским атаманом³¹ и основательно знал особенности крупнейшего «старого» и крупного «молодого» казачьих войск. А о серьезном различии между «настоящими, так называемыми старыми казаками», и «жителями станиц, не принадлежащими к старым казакам», еще в 1875 г. писал Д. А. Милютин³². Таким образом, генерал, возможно, лучше всех в России знал специфику различных казачьих войск, казался серьезным ученым и к тому же находился «под рукой» у военного министра.

Однако при более детальном знакомстве с научной деятельностью Н. А. Маслаковца у нас возникли серьезные сомнения в том, насколько он в принципе был способен к выполнению крайне специфической задачи по написанию «оснований» для официальной истории казачьих войск. К сожалению, полная библиография его трудов до сих пор не составлена, но и «Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков», и вторая упоминаемая историками научная книга генерала «Краткий исторический очерк постепенного образования Оренбургского казачьего войска и развитие форм военного и гражданского устройства»³³ были закончены в 1870-х годах. Кстати, работа над историей Оренбургского войска велась Н. А. Маслаковцом еще с первой половины 1860-х годов, когда он служил там: по крайней мере в его фонде в ОР РНБ рукопись «Оренбургское казачье войско. Очерк» датируется 1861 г.³⁴, а рукопись «Статистическое описание Оренбургского казачьего войска» следующим, 1862 г.³⁵ Практически исследования военного чиновника по истории и статистике Оренбуржья оказались не востребованы: большая их часть, несмотря на крайнюю бедность отечественной литературы о казачестве второй половины XIX в., так и осталась в рукописях. «Краткий исторический очерк постепенного образования Оренбургского казачьего войска и развитие форм военного и гражданского устройства» отсутствует и в Российской государствен-

²⁹ Министерство военное. Канцелярия министерства. Программа занятий «Высочайше учрежденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его благосостояния». Приложение «Список лиц, входящих в комиссию» // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3.

³⁰ *Маслаковец Н. А.* Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903.

³¹ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1901 г. СПб., 1901. С. 226.

³² Объяснения по поводу сделанных Министром Внутренних Дел замечаний на проект Положения о воинской повинности Донского войска // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 6–6 об.

³³ *Волвенко А. А.* Как донским казакам историю хотели написать... С. 116; *Семенов В. Г., Семёнова В. П.* Губернаторы Оренбургского края. С. 276–284.

³⁴ *Маслаковец Н. А.* Оренбургское казачье войско. Очерк. Оренбург // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98.

³⁵ *Маслаковец Н. А.* Статистическое описание Оренбургского казачьего войска // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 100.

ной библиотеке, и в Российской национальной библиотеке. Следовательно, либо эта книга представляет собой своеобразный историографический миф, ошибку позднейших авторов³⁶, либо она была издана крайне ограниченным тиражом и не вызвала особого интереса. Что касается более удачного «Физического и статистического описания кочевья донских калмыков», то Н. А. Маслаковец даже не был его единственным автором: он сам уточнял в предисловии, что разделы об образовании и, что особенно важно, о бытовых особенностях калмыцкого населения были написаны А. Л. Крыловым³⁷.

Таким образом, попытки проявить себя на научном поприще Н. А. Маслаковец предпринимал еще в бытность свою молодым офицером, за несколько десятилетий до того, как на него была возложена миссия стать автором «оснований» официальной истории российских казачьих войск. Только одна из этих попыток, к тому же предпринятая в соавторстве, оказалась удачной, а большая часть исторических и статистических рукописей генерала не напечатана и хранится в его архивном фонде, не вызывая особенного интереса ученых. Но руководство Военного министерства волновало совсем не это. К декабрю 1901 г. Н. А. Маслаковец уже достаточно долго не имел никакого специального задания. Тут следует отдельно отметить, что военный чиновник был вдов и бездетен, и уже дважды побывал в отставке, в последний раз — в 1892–1894 гг.³⁸ В литературе о нем встречается утверждение, что после смерти жены, произошедшей как раз в 1894 г., генерал тяготился одиночеством, выходом из которого и стало возвращение на службу³⁹. В любом случае к началу XX в. военная служба для Н. А. Маслаковца была не столько источником заработка, сколько местом самореализации. Еще до того, как А. Н. Куропаткин узнал о нежелании Военного совета создавать особое «историческое делопроизводство», военный министр беседовал с Н. А. Маслаковцом и, не имея никакого занятия для него, приказал П. О. Щербову-Нефедовичу найти «какой-либо отдельный вопрос по ведомству Главного Управления Казачьих войск» для разрешения его генералом⁴⁰. Подвернувшееся составление «оснований» официальной истории казачества и стало этим вопросом, для работы с которым Н. А. Маслаковец, как мы показали выше, на первый взгляд очень подходил. Таким образом без какого-либо конкурса или рассмотрения других кандидатур Военное министерство возложило на него обязанности по разработке «оснований» исторических исследований.

Н. А. Маслаковец взялся за дело с очевидным желанием и усердием. «Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России» был готов уже к 22 мая 1902 г.⁴¹ Это особенно поражает с учетом того факта, что новоявленный историо-

³⁶ Случай не уникальный в казачьей историографии: так, Н. И. Краснову приписывается авторство некоего научного труда «Терские казаки», удостоенного золотой медали Академии наук, что, очевидно, не соответствует действительности. Подробнее см.: *Peretyatko A. Y. The Importance of "Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for This Military Service Exemptions And Privileges"...* P. 5.

³⁷ *Маслаковец Н. А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1. С. II.*

³⁸ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1901 г. СПб., 1901. С. 226.

³⁹ *Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. С. 276–284.*

⁴⁰ *Главное управление казачьих войск... Л. 1.*

⁴¹ *Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 1.*

граф российского казачества не был освобожден и от черновой работы: им было собственноручно сделано множество выписок из различных исторических трудов⁴². В фонде Н. А. Маслаковца в ОР РНБ материалы по подготовке «оснований» для официальной истории казачества составляют целый раздел. Помимо черновика итогового доклада⁴³ генерал сохранил распоряжение начальства заняться «разработкой вопроса по изучению истории казачьих войск»⁴⁴ и даже свои подготовительные материалы⁴⁵. Следует подчеркнуть, что Н. А. Маслаковец собирал только важнейшие документы, связанные с его деятельностью: так, из трех докладов членов комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его благосостояния, которые были поданы ему на рассмотрение⁴⁶, военный чиновник сохранил в своем архиве только одобренный им текст П. Г. Мордвинцева⁴⁷. Следовательно, можно утверждать, что Н. А. Маслаковец считал свою работу по составлению «оснований» официальной истории казачества достаточно важной, чтобы не выбрасывать даже предварительные выписки для нее. В конце концов, как мы писали выше, генерал заботливо хранил свои старые рукописи по истории и статистике оренбургского казачества, хотя и не пытался их опубликовать. Вероятно, обращение к историческому исследованию после десятилетий перерыва было приятно самому Н. А. Маслаковцу, который получил еще один шанс проявить себя на историческом поприще, пусть не как историк, а как своеобразный идеолог целого цикла исторических книг. Во всяком случае большая часть его доклада была посвящена не тому, как следует организовать создание официальной истории казачества, и даже не тому, каким критериям эта история должна соответствовать. Об этих критериях генерал вообще не считал нужным писать что-либо определенное, — например, он утверждал: «...Порядок рассмотрения и оценки достоинства предоставляемых составителями исторических описаний <...> выходят уже из сферы возложенного на меня поручения»⁴⁸. Наиболее объемную часть рукописи Н. А. Маслаковца составляет именно историческая часть, «общий исторический взгляд на появление и развитие казачьих войск в России»⁴⁹. Обратим внимание на несколько особенностей этого «общего взгляда», которые нам представляются наиболее значимыми.

Прежде всего, в научном отношении работа Н. А. Маслаковца не выдерживает никакой критики. Особенно показателен его обширный очерк ранней истории казачества. Генерал без комментариев выписывал различные мнения по спорным вопросам из уже опубликованных текстов, причем с цитатами из профессиональных историков⁵⁰ соседствовали отрывки из энциклопедических статей неопределенного авторства (военный чиновник указывал только фамилию редактора энциклопе-

⁴² Маслаковец Н. А. Материалы для исторического исследования о казачьих войсках в России // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 1.

⁴³ Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину...

⁴⁴ Главное управление казачьих войск...

⁴⁵ Маслаковец Н. А. Материалы для исторического исследования...

⁴⁶ Маслаковец Н. А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. С. 1–11.

⁴⁷ Мордвинцев П. Г. (член комиссии). Доклад о современном экономическом и сельскохозяйственном положении казачьего населения Донской области // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 23.

⁴⁸ Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 43.

⁴⁹ Там же. Л. 33 об.

⁵⁰ Там же. Л. 13 об., 18.

дии⁵¹), с утверждениями исторических лиц⁵² — материалы провинциальной периодической печати⁵³. Без всякого анализа достоверности источников и литературы, без какой-либо попытки реконструировать ситуацию в казачьих регионах Н. А. Маслаковец в итоге просто выбирал из этих мнений то, что казалось ему правильным, не скрывая, впрочем, своей неуверенности. Так, рассуждая о времени возникновения казачества, он писал: «Эпоху *вероятного* появления казаков на Руси *едва ли* следует относить ранее XIV или XV столетия (курсив наш. — А. П.)»⁵⁴. Очевидно, представления Н. А. Маслаковца о методах исторического исследования остались на уровне историка-любителя 1860–1870 гг., и с современными тенденциями в исторической науке он совершенно не был знаком. Однако если П. О. Щербов-Нефедович и офицеры Главного управления Казачьих войск рассчитывали в какой-то степени компенсировать свою некомпетентность в исторических вопросах обширной подготовительной работой, сперва собрав малоизвестные и опубликовав ненапечатанные тексты по истории казачества, то Н. А. Маслаковец сразу попытался дать именно «общий исторический взгляд» на историю всех казачьих войск, в зависимости от которого, по его мнению, следовало «установить и все дальнейшие подробности» правительственного проекта⁵⁵.

Таким образом, отправной точкой для написания официальной истории казачества в итоге стало не предложение военного министра о создании серии книг, полезных для правительственных чиновников, и даже не совокупность обширного первичного материала, которую рассчитывал собрать автор доклада № 1354, но концепция прошлого казачьих войск, созданная историком-любителем. Впрочем, применить эту концепцию к своему «общему историческому взгляду» Н. А. Маслаковец не смог. Фактически его образовывали или цитаты из других авторов, или бессистемный пересказ общеизвестных фактов. Относительно последовательный текст об истории казачества ему удалось довести только до конца XVI в. Затем генерал заинтересовался «борьбой днепровских казаков за поддержание собственной самостоятельности» и посвятил ей, опуская ситуацию на других казачьих территориях, несколько страниц⁵⁶. После этого к системному и хронологическому изложению Н. А. Маслаковец уже не возвращался, вместо этого он полемически доказывал крайнюю полезность казаков для Российского государства⁵⁷. Поэтому, на наш взгляд, та концепция, которую генерал хотел положить в основу официальной истории казачьих войск, связана с его «общим историческим взглядом» на историю казачества достаточно косвенно. Так, подробнее всего военный чиновник разобрал вопросы о времени возникновения казаков⁵⁸, их происхождении⁵⁹ и месте появления⁶⁰, хотя ни один из этих вопросов не назван генералом в числе обязательных для

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 16.

⁵³ Там же. Л. 14 об.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 12–12 об.

⁵⁶ Там же Л. 26–29.

⁵⁷ Там же. Л. 29–33 об.

⁵⁸ Там же. Л. 13 об. — 14 об.

⁵⁹ Там же. Л. 14 об. — 17 об.

⁶⁰ Там же. Л. 18–22.

истории казачьих войск⁶¹. Поэтому мы воздержимся от анализа доклада Н. А. Маслаковца как исторического труда, тем более что собираемся посвятить этой теме отдельную статью. Нас доклад будет интересовать как документ, на основании которого велась дальнейшая работа по написанию официальной истории казачества.

В этом отношении особенно важны две другие части текста Н. А. Маслаковца, обрамляющие «общий исторический взгляд» на казачье прошлое. Первую из них можно условно назвать организационной, поскольку она сводится к ответу на четыре организационных вопроса: можно ли совместить исторические работы с нормальной деятельностью правительственного учреждения; необходимо ли для ведения научных работ собирать по обширным российским губерниям рукописный и редкий печатный материал; способно ли Главное управление Казачьих войск руководить исследовательской работой, в том числе и на удаленных территориях, и, самое главное, «что должна представлять собой программа для составления исторических описаний казачьих войск, и в какой мере введенными в нее вопросами могут быть обуславливаемы как общий план, так и положения исторических работ по каждому казачьему войску в отдельности»⁶². При этом для нашего исследования интересны не только ответы Н. А. Маслаковца на эти вопросы, но и их мотивировка, содержащая крайне любопытные утверждения.

Генерал в принципе понимал, что любое полноценное историческое исследование отвечает совершенно особым критериям, но представлял эти критерии очень примерно и совершенно некорректно. Он утверждал: «Труд научный, кроме заключенной в нем фактической стороны предмета, должен удовлетворять еще и другим требованиям, а именно: представлять описываемые события в глубокой связи между собой, *так же и по отношению их к современным явлениям*, в связи с соседними с описываемою страню областями и целым государством. Наконец, помимо этого, историческое описание казачьего войска, как и всякий другой исторический труд, должно быть написано в такой исторической форме, *при которой оживляются события и явления* (курсив наш. — А. П.)»⁶³. Зато ни о чем, хотя бы отдаленно напоминающем принципы объективности и историзма, он не упомянул. Для сравнения: В. О. Ключевский, которому в рамках того же проекта официальной истории казачества будет предложено стать историографом Донского войска, задаст властям прямой вопрос: «Какая история должна быть составлена: история формальная, официальная с известными пропусками, или *правдивая история*, история, так сказать, *написанная с соблюдением требований современной исторической науки* (курсив наш. — А. П.)?»⁶⁴. На наш взгляд, Н. А. Маслаковец видел предполагаемые труды по истории казачества похожими не на полноценные, зачастую сухие и специализированные исторические исследования начала XX в., но скорее напоминающими историко-статистические описания эпохи своей молодости, когда, например, Н. И. Краснов в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» доходил до такой «живости» и вовлеченности в острые общественные дискуссии, что текст из научной работы

⁶¹ Там же. Л. 37 об. — 38.

⁶² Там же. Л. 3–3 об.

⁶³ Там же. Л. 4–4 об.

⁶⁴ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... С. 119.

превращался в политический памфлет⁶⁵. Об этом свидетельствует и то, что в своем докладе Н. А. Маслаковец использовал в качестве образцового определения значения казаков для России далеко не научный текст «историка» М. Х. Сенюткина⁶⁶. Приведем несколько примеров из обширной выписки, сделанной генералом: «По какому-то безотчетному горящему желанию оборонять веру Христову от натиска Магометанства, эти вольные малочисленные ратники отражали денно и нощно, целые века, исконных врагов России, не чувствуя в борьбе с ними ни изнурения, ни усталости»⁶⁷. «Тщетно хотели остановить их Турки, Крымцы, Ногайцы и Черкесы. Донцы не только побеждают их, но как бы стирают с лица своей земли. Они завоевывают огромные просторы Сибири, и наконец все — и свои завоевания, и славу, и жизнь — приносят Царю России, говоря: “Мы холопы твои, готовы служить, готовы за православную веру и за тебя, Государь!”»⁶⁸.

В результате подобных рассуждений Н. А. Маслаковец приходил к выводу, что написание официальной истории казачества следует возложить не на коллектив чиновников какого-то ведомства, но на «особо избранное лицо», обладающее как «научною подготовкою», так и «личными способностями»⁶⁹. Однако эта разумная мысль была испорчена непомерностью тех требований к «избранному лицу», которые выдвигал генерал. По его мнению, автор любых исторических трудов должен был не только «обладать научным подходом» и «уметь работать в архивах», но и с самого начала работ демонстрировать «тесное знакомство» с материалами, в том числе и неопубликованными, по своей теме, а также иметь достаточно развитые «литературные навыки»⁷⁰. В начале XX в. история многих казачьих войск еще не разрабатывалась профессиональными историками, и в итоге, когда в войсках начали искать официальных историографов, тех, кто отвечал бы всем требованиям Н. А. Маслаковца, просто не нашлось. В этом отношении снова очень показателен процесс написания истории донского казачества: в ходе этой работы на ее начальных этапах очень скоро развернулась борьба местных историков-любителей против приглашения признанных авторитетов российской исторической науки — именно

⁶⁵ *Peretyatko A. Y. The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia* (F. F. Tornau, N. I. Krasnov, B. Katalinich). Part I // *Voennyi sbornik*. 2016. Vol. 12, iss. 2. P. 89.

⁶⁶ М. Х. Сенюткин, известный донской краевед-любитель середины XIX в., разумеется, не был профессиональным историком. Уже в созданном современниками Н. А. Маслаковца сборнике «Донцы XIX века», первое издание которого было завершено в 1907 г., М. Х. Сенюткин был отнесен к «писателям» (Донцы XIX века. Ростов н/Д., 2003. С. 439), а не к «исследователям донской старины», как, например, Х. И. Попов (Там же. С. 407). Зато для работ этого автора была характерна ярко выраженная консервативная тенденция. Это связано с тем, что свои наиболее значительные произведения М. Х. Сенюткин выпустил в 1860 г., в разгар общественной дискуссии на Дону между «казакоманами» и «прогрессистами» (*Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th)*. Part I // *Russkaya starina*. 2015. Vol. 13, iss. 1. P. 19–37). При этом он безоговорочно занимал сторону «казакоманов», донских консерваторов, выступавших против либеральных реформ и за сохранение донских традиций. Наиболее ярко общественные взгляды М. Х. Сенюткина выражены в его заметке «Несколько слов о Доне, по поводу газетных статей», в которой он резко критиковал либеральные публикации в столичной прессе, призывающие к скорейшим преобразованиям казачества (*Сенюткин М. Х. Донцы*. Ч. 2. М., 1866. С. 93–112).

⁶⁷ *Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину...* Л. 29 об.

⁶⁸ Там же. Л. 30.

⁶⁹ Там же. Л. 6.

⁷⁰ Там же. Л. 4 об. — 5.

на основании незнания ими деталей местной истории. В местный статистический комитет даже была отправлена анонимная записка, автор которой писал по поводу возможного приглашения В. О. Ключевского или кого-то из его маститых коллег: «Если это будет лицо, не знакомое с бытом казачества, то его еще надо будет ввести в курс этой жизни, иначе разобраться ему в малопонятном для него материале будет крайне затруднительно»⁷¹. Как видим, Н. А. Маслаковец не только не разрешил, но и усугубил проблему, связанную с поиском автора (точнее, авторов, о чем мы напишем чуть ниже) официальной истории казачества.

Еще хуже было то, что в своих дальнейших рассуждениях генерал исходил из предположения, что официальную историю казачества будут писать люди, соответствующие заявленным им качествам. При этом Н. А. Маслаковец в очередной раз демонстрировал полное непонимание современных ему тенденций развития исторической науки. Он сводил к минимуму роль специальных библиотек в научном исследовании на том основании, что «даже наиболее обширная библиотека» «едва ли» могла иметь в своих книгохранилищах все работы по какому-либо предмету, а сами исследователи в ходе серьезного научного труда обычно обращались «в более или менее значительное число библиотек, книгохранилищ и архивов»⁷². И уж вовсе иронических замечаний генерала удостоилось предложение составить систематический указатель по истории казачества. Военный чиновник сравнивал подобный труд с «работами мифического Сизифа», полагая, что его завершение было бы принципиально невозможно: за время сбора известных книг, статей и рукописей неизбежно появились бы новые «произведения человеческой мысли», а также были бы обнаружены «неизвестные до того времени материалы»⁷³. Судя по всему, генерал не понимал, что библиотеки и систематические указатели представляют собой вспомогательный инструмент исторической науки, благодаря которым историк-профессионал может за сравнительно небольшой срок получить определенное представление об интересующей его теме. Поэтому Н. А. Маслаковцу казалось необходимым, чтобы официальную историю казачества создавал не один профессиональный историк с помощью государственных чиновников, но множество авторов, «само образование которых было бы специальной библиотекой»⁷⁴.

Исходя из этих, не соответствующих действительности рассуждений, генерал выносил столь же суровый, сколь и несправедливый вердикт: предварительные работы для будущих авторов заказанных правительством текстов «были бы лишь задержкой без всякой пользы»⁷⁵. Нужно ли говорить, что в реальности подготовка к написанию истории казачьих войск на местах началась именно со сбора материалов, поскольку ни местные историки-любители, ни историки-профессионалы из университетских городов не знали, какую в точности информацию хранят архивы⁷⁶. И существование специализированной библиотеки, а тем более систематического указателя по истории казачества, включающего и неопубликованные работы, могло заметно ускорить этот процесс. С точки зрения современного историка, еще

⁷¹ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... С. 121.

⁷² Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 7–7 об.

⁷³ Там же. Л. 7 об. — 8.

⁷⁴ Там же. Л. 8 об.

⁷⁵ Там же. Л. 8 об.

⁷⁶ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... С. 125.

важнее то, что многие тексты были бы спасены от исторического забвения, если не уничтожения. Так, Н. И. Краснов в одной из своих работ ссылается на книгу «Клятва Булавина», судя по всему, собственного авторства⁷⁷. Однако книги с таким названием, как и книги «Краткий исторический очерк постепенного образования Оренбургского казачьего войска и развитие форм военного и гражданского устройства» нам не удалось обнаружить ни в одной из крупнейших российских библиотек. Специальная библиотека по истории казачества, если бы она была создана в начале XX в., стала бы бесценным даром для будущих поколений, поскольку в ее состав должны были войти десятки таких «работ-фантомов». А по системному указателю неопубликованных работ можно было бы судить о том, какие ныне потерянные тексты хранились в местных архивах (кстати, реконструкция этих архивов в настоящее время представляет собой перспективное направление исследований⁷⁸). Но доклад Н. А. Маслаковца окончательно поставил крест на будущем «подготовительных работ» при Главном управлении Казачьих войск: даже уже одобренная Военным советом идея создания специализированной библиотеки при данном органе была генералом отвергнута.

В конце концов Н. А. Маслаковец советовал не только не создавать особого «исторического делопроизводства» при Главном управлении Казачьих войск, но и не наделять этот орган даже наблюдательными функциями в деле написания официальной истории казачества⁷⁹. На сей раз он позволил себе проявить эмоции: «Вопрос о возложении на эти органы наблюдения, а тем более руководства по ходу исторических описаний казачьих войск сам собою решен уже в смысле отрицательном. Это и понятно! Так как для руководства чем-нибудь необходимо прежде всего более или менее близкое родство с предметом, руководству сему подлежащему»⁸⁰. Себя генерал, видимо, считал экспертом в исторических вопросах, раз взялся не просто за руководство историческими исследованиями, но за создание «оснований» для целого цикла исторических книг. Увы, в итоге он фактически обезглавил правительственный проект: теперь написание официальной истории казачества полностью возлагалось на неких «избранных лиц», а Главное управление Казачьих войск, изложив им задачу, должно было воздерживаться от «наблюдения» или «руководства», самоустранившись до конца процесса. При таком подходе, на наш взгляд, оставалось только два способа сделать так, чтобы официальная история казачества была создана как единый труд, а не разрозненный цикл книг, объединенных чисто тематически. Следовало либо как-то организовать кооперацию и взаимодействие историков, отвечающих за отдельные части проекта, возможно даже назначив кого-то из них главным научным руководителем, либо сформулировать ясную и подробную, не допускающую разночтений программу для «исторических описаний» всех казачьих войск. Но Н. А. Маслаковец снова пошел «своим путем»,

⁷⁷ Краснов Н. И. Тяжкий грех Булавина. Новочеркасск, 1884. С. 8.

⁷⁸ Сень Д. В.: 1) Архив Войска Донского и история войскового делопроизводства: актуальные вопросы изучения // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития отечественной науки / отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов н/Д., 2014. С. 479–488; 2) Архив Войска Донского и проблемы изучения войскового делопроизводства // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. М., 2014. С. 334–337.

⁷⁹ Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 9.

⁸⁰ Там же.

далеко отстоящим от общепринятых в исторической науке начала XX в. «Целью настоящего исследования будет указание той <неразборчивое слово> программы, при коей вполне было бы возможно избежать излишней регламентации в плане работ, дабы избежать ненужного стеснения производителей трудов этих», — писал он⁸¹.

Безусловно, отказ от тотального контроля над исполнителями правительственного проекта мог привести к положительным результатам, дав назначенным историкам возможность обратиться к малоизученным и интересным им темам. Однако едва ли общую программу истории казачества следовало писать для достижения подобной цели. В таком случае, скорее, было логично вовсе обойтись без нее, чтобы ничем не сковывать исследователей! Мы не ставим перед собой задачи указать на то, как можно было более эффективно организовать работу над правительственным проектом. Однако имеет смысл, для сравнения, обратиться к удачному опыту в деле организации центральным правительственным аппаратом научной деятельности в казачьих войсках.

На Дону первым органом, ведущим такую деятельность, стал местный статистический комитет. При этом первые несколько десятилетий своего существования он проводил только эпизодические работы, порой, судя по свидетельствам современников и отсутствию протоколов, годами не собираясь на заседания⁸². Ситуация изменилась в 1860-х годах, когда были четко определены обязанности комитета и резко увеличено его финансирование. Министерство внутренних дел еще на рубеже 1850–1860 гг. разделило работы подобных комитетов на обязательные и необязательные, причем обязательные работы должны были вестись в соответствии с четко определенной программой, в которой оговаривалось не только то, какие сведения и в какой срок должны были сообщаться в Санкт-Петербург, но и даже то, по какому образцу эти сведения следовало оформлять⁸³. Что же касается необязательных работ, то их Министерство внутренних дел отказалось регламентировать вовсе, считая, что введение правил в этой сфере только препятствовало бы проведению дополнительных исследований. Зато четко формулировалось, к каким положительным результатам, в том числе и для местных администраций, может привести необязательная работа статистических комитетов, и подчеркивалось, что итоговая оценка деятельности этих органов будет зависеть от успешности как обязательной, так и дополнительной деятельности⁸⁴. Введение обязательных статистических работ на Дону только подстегнуло дальнейшую деятельность местного статистического комитета, поскольку, несмотря на серьезнейшие проблемы в их организации, благодаря этим работам область научных интересов комитета серьезно расширилась и в научный оборот было вовлечено много новой инфор-

⁸¹ Там же. Л. 10.

⁸² *Краснов Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. С. 6; *Попов Х. И.* Областной войска Донского статистический комитет в первые годы его существования // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1901. С. 7.

⁸³ Переписка с военным министерством о преобразовании Войскового статистического комитета на основании положения от 26 декабря 1860 г. // ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 89. Л. 7–8 об.

⁸⁴ Там же. Л. 8 об. — 9.

мации о неточностях переписей, об особенностях быта донских староверов, о деятельности станичных правлений и т. д.⁸⁵

Между тем Н. А. Маслаковец считал, что включение в программу официальной истории казачества подобных четко регламентированных обязательных работ привело бы только к негативным последствиям. По его мнению, «ненужное стеснение производителей трудов» негативно сказалось бы и на «порядке исторических описаний», и на «их характеристических особенностях, одинаково зависящих как от местных условий и обстоятельств, под влиянием коих происходило последовательное развитие каждого из казачьих войск, так и личных качеств авторов, истории эти писавших»⁸⁶. Очевидно, генерал снова проявил ограниченность в восприятии базовых понятий исторической науки и не понял того, что качественно составленная программа обязательных работ должна была не сковать историков, но, напротив, помочь им вычленивать наиболее важные для исследования темы. Поэтому вполне закономерно, что в итоге Н. А. Маслаковец пришел к следующему выводу: «...Необходимо уже выработать особую для каждого из войск этих программу, далеко не всегда сходную с программами для других казачьих войск (курсив наш. — А. П.)»⁸⁷. Правда, генерал все же признавал, что должна существовать и некая «общая часть программы» для всех исторических описаний правительственного проекта⁸⁸. Однако ее предлагалось свести к минимуму: центральному аппарату Военного министерства чиновник предлагал ограничиться «лишь немногими требованиями, одинаково отвечающими понятию о казачестве, насколько оно выявилось в историческом развитии государственного организма всей Империи»⁸⁹. Остается констатировать, что в представлении Н. А. Маслаковца «историческое описание» каждого казачьего войска должно было создаваться независимым автором и по собственной программе.

На наш взгляд, именно это решение стало фатальным ударом по правительственному проекту как единой системе книг. Вкупе с предыдущими рекомендациями Н. А. Маслаковца, не дающими возможности центральным правительственным органам ни провести полноценную подготовительную работу, ни проследить за написанием оплачиваемых текстов, реализация «оснований» превращала создание историй отдельных казачьих войск в русскую рулетку, причем с минимальным шансом выиграть. Все работы должны были возлагаться на неконтролируемых из Санкт-Петербурга «избранных лиц», при том, что авторитетных и профессиональных историков, специально занимавшихся казачьей тематикой, в России начала XX в., как мы писали выше, не было. И правительство оказалось обречено выделять деньги без какой-либо гарантии того, что работы ведутся в правильном направлении. Так, на Дону, когда первый предполагаемый автор «исторического описания» местного казачьего войска И. П. Попов преждевременно скончался, сделанные им приготовления оказались не востребованы его преемником П. Х. Поповым, который написал историю... участия донских казаков в Отечественной

⁸⁵ Протоколы заседаний Комитета // ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 195–319 об.

⁸⁶ *Маслаковец Н. А.* Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 10–10 об.

⁸⁷ Там же. Л. 11 об.

⁸⁸ Там же. Л. 11.

⁸⁹ Там же. Л. 10 об.

войне 1812 г.⁹⁰ В итоге две законченные к 1912 г. книги по истории казачества оказались совершенно разными даже тематически: если на Дону было написано самодостаточное исследование участия донских казаков в войне 1812 г., то на Урале был создан первый том планируемого цикла по истории местного казачьего войска⁹¹.

Впрочем, в заключительной, концептуальной части своего доклада Н. А. Маслаковец попытался вывести некие «общие требования», обязательные для трудов по истории всех казачьих войск. Как мы уже писали, речь шла не о критериях оценки отдельных «исторических описаний», но скорее о концепции, которая должна была лечь в их основу, причем эта концепция не соответствовала «общему взгляду» генерала на прошлое казачества. Он исходил не столько из тех исторических фактов, которые приводил в своем докладе, сколько из традиционных консервативных воззрений, в согласии с которыми казаки представляли воинственными защитниками России. Своих симпатий к консервативной идеологии и неприятия либеральных идей военный чиновник не скрывал с 1880-х годов⁹². Н. А. Маслаковец писал о «троякой роли» казачьих войск в истории: их представители «являлись в России первыми колонизаторами новых земель», осваивая опасные территории «степных пространств, составляющих достояние полудиких кочевников»; они же «вели непрерывную военную деятельность» против «внешних врагов России» в «пограничных областях государства»; и, наконец, «казак-воин становился и на страже веры православной»⁹³. При этом военный чиновник опирался на цитируемые тексты донского консерватора старшего поколения М. Х. Сенюткина. Однако схожие утверждения можно найти в работах и других донских консерваторов. В частности, они встречаются в риторике «группы Холмского» — объединения казачьих националистов 1910-х годов. Сам С. А. Холмский называл казаков «то спасителями, то оберегателями, то мстителями за славу и честь Руси», а его соратник П. Орлов считал казачьи войска «оплотом государства», в том числе и в военной сфере⁹⁴. Такие же утверждения мы можем найти и в текстах противников казачьих националистов — у российских националистов из числа казаков. В 1912 г. М. Кочергин писал, что казачество есть «гроза для всех врагов России»⁹⁵. На наш взгляд, Н. А. Маслаковец, не сумев создать собственной концепции истории казачества, в ходе исторических штудий использовал близкую ему консервативную концепцию, несколько развив ее, причем крайне неудачно, учитывая цель его работы. Концепция казака-воина в интерпретации генерала совершенно не годилась в качестве основы для всеобъемлющей истории казачества хотя бы потому, что к 1900-м годам «стража веры православной» уже много десятилетий не представляла для казачьих войск сколько-либо актуальной задачи, а колонизаторские функции и функции непрерывной

⁹⁰ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... С. 118–124.

⁹¹ Там же. С. 123–124.

⁹² *Peretyatko A. Y.* “Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Pt I // *Bylye gody*. 2017. Vol. 45, iss. 3. P. 937–938.

⁹³ *Маслаковец Н. А.* Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 34–35 об.

⁹⁴ *Корниенко Б. С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 172.

⁹⁵ Там же.

военной защиты границ исполняли только некоторые из них. Теоретически концепция, предложенная Н. А. Маслаковцом, несмотря на откровенную политизированность и игнорирование, например, многочисленных казачьих восстаний, могла быть использована для описания истории казачества до XVIII в., но никак не для последующего периода. Кроме того, она вовсе не предусматривала исследования социальной и экономической истории! Очевидно, ограниченность этой концепции понимал и сам генерал, поскольку, помимо трех исторических ролей казачества, он фактически выделил, не нумеруя, еще одну роль, «заметно обнаружившуюся» со времен Петра Великого: «решительное участие в военных действиях совместно с русскими регулярными войсками»⁹⁶. Исходя из всего им изложенного, Н. А. Маслаковец полагал возможным свести обязательную часть историй отдельных казачьих войск к четырем вопросам: казачество 1) «как первые колонизаторы земель», 2) «как бдительный страж неприкосновенных государственных границ», 3) «как исконный ревнитель веры православной» и, наконец, «как один из элементов вооруженных сил в Империи»⁹⁷. Сколько-либо развернутого описания принципов, в соответствии с которыми на эти вопросы следовало отвечать, Н. А. Маслаковец не сделал.

Напомним, что к моменту, когда генерал получил задание составить «основания» для истории казачьих войск, первоначальная задача, поставленная А. Н. Куропаткиным перед Главным управлением Казачьих войск, несколько забылась. И Н. А. Маслаковец не только не пытался достигнуть ее решения, но и фактически предложил поставить перед нанятыми историками совершенно иную задачу. Как мы помним, военный министр хотел, чтобы книги о прошлом и о настоящем казачества помогали в принятии решений о будущем казачьих войск, были своеобразным источником малоизвестной чиновникам информации. Но для Н. А. Маслаковца будущее казачества было ясно. Еще в бытность свою оренбургским атаманом он направил в Военное министерство достаточно обширную записку, в которой ругал либеральные преобразования 1860-х годов, «едва было в самом корне не подсекившие всего строя их (казачьих войск. — А. П.) прежнего развития в духе служения казачьего населения»⁹⁸. Особенно вредным генерал считал то, что вместо прежних «военного духа и строгой дисциплины даже в домашнем быту» Военное министерство попыталось распространить в казачьей среде «дух гражданственности»⁹⁹. И в своем докладе он продолжал продвигать ту же, очевидно неслучайную для него мысль, о преимущественно, если не исключительно военной роли казачества. Не дожидаясь исследований прошлого казачьих войск, он уже предсказывал их будущее: «Какие бы военные усовершенствования ни совершились в цивилизованных странах под влиянием могущественной силы технических знаний и изобретательства, вековые традиции и боевая готовность казачьих войск всегда будут являться одним из наиболее веских факторов в стратегических соображениях Военного Министерства по отношению безопасности

⁹⁶ Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 35 об.

⁹⁷ Там же. Л. 37 об. — 38.

⁹⁸ Маслаковец Н. А. Записка о вредном влиянии реформ 1860-х гг. на экономическое положение оренбургских казачьих войск и о мерах подъема их благосостояния // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 5.

⁹⁹ Там же. Л. 5–5 об.

границ государства и предупреждения неприятельского вторжения в пределы России»¹⁰⁰.

Соответственно официальную историю казачества генерал видел не проблемным исследованием с неизвестным результатом, но своеобразной одой боевому прошлому казаков. Если принять во внимание этот фактор, станет понятно, почему наиболее важные в рамках первоначальной идеи А. Н. Куропаткина последние века казачьей истории почти не рассматривались Н. А. Маслаковцом в его докладе, а острые и дискуссионные социально-экономические вопросы были опущены вовсе. Вот только реальная история категорически не хотела укладываться в предложенную военным чиновником консервативно-патриотическую схему: даже ему самому не удалось описать прошлое казачества с предложенных позиций. Вероятно, Н. А. Маслаковцу, если он хотел добиться воплощения в жизнь своей концепции, следовало сменить жанр официальной истории казачества, предложить издать не научный, а публицистическо-популяризаторский цикл. В одной из своих прежних статей мы отмечали, что донские власти, чьи воззрения на историю казачества были близки к изложенным генералом, хотя так и не смогли обеспечить написание своей части правительственного проекта, параллельно с работами в этом направлении выпустили книгу «Картины былого Тихого Дона», которая позиционировалась как «краткий очерк истории войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях». При этом максимально убедительное для простого читателя воплощение консервативной концепции истории казачества было достигнуто путем умалчивания о некоторых фактах, эмоциональной подачи материала и применения элементов художественной стилистики. Но как раз эти приемы, в принципе допустимые в публицистической литературе, категорически неприемлемы в научном исследовании¹⁰¹. Несоответствие задачи научного исследования публицистической концепции Н. А. Маслаковца затрудняло реализацию правительственного проекта даже в виде разрозненного цикла книг, не объединенного ни методологически, ни проблемно.

Тем не менее Н. А. Маслаковец считал, что предложенного им достаточно, чтобы исследования по истории отдельных казачьих войск представляли собой единый цикл научных работ, к тому же доступный для практического применения военными чиновниками. Вот что он писал по этому поводу: «Мы этим путем (введением обязательной части программ для работ по истории отдельных казачьих войск. — А. П.) в истории казачества в России достигаем того связующего начала, которое, значительно облегчая практическое пользование предпринимаемыми в интересах Военного Министерства историческими работами в казачьих войсках, может впоследствии весьма упростить и задачу составления на основании отдельных описаний казачьих войск как самостоятельных исторических по оным исследований, так и одного целого по оным труда: “Общей истории казачьих войск в Империи”»¹⁰². Таким образом, в рамках «оснований» Н. А. Маслаковца планиро-

¹⁰⁰ Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 33 об.

¹⁰¹ Перетягко А. Ю. К вопросу о требованиях войсковых властей к официальной истории донского казачества в начале XX века // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки / отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов н/Д., 2014. С. 415–422.

¹⁰² Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 37 об.

валось на базе будущих исследований по истории отдельных казачьих войск составить обобщающую работу о казачестве в целом. При этом на начальном этапе работ центральный аппарат Военного министерства почти полностью освобождался от сложных и непривычных историографических функций: и избрание авторов для написания истории отдельных казачьих войск, и «общее наблюдение» за их деятельностью Н. А. Маслаковец предлагал возложить на наказных атаманов. Только когда дело дошло бы до составления «истории общей казачьих войск в Империи», начальник Главного управления Казачьих войск был обязан найти исполнителя для этого труда и руководить его работами¹⁰³.

Мы не можем точно сказать, как сочетались эти предложения с предыдущими указаниями Н. А. Маслаковца, согласно которым ходом исторических исследований может успешно руководить только достаточно компетентный специалист. Возможно, генерал просто не нашел другой, менее традиционной формы взаимодействия властей с исполнителями правительственного заказа. Однако нам представляется любопытным иной вариант. Обратим внимание, что слово «руководить» военный чиновник использовал только описывая финальную часть проекта, когда избранному историку пришлось бы взаимодействовать с начальником Главного управления Казачьих войск. Начальник этого управления П. О. Щербов-Нефедович, как мы уже упоминали выше, был признанным ученым, хотя и в несколько иной сфере, и действительно при желании мог осуществлять определенное руководство ходом работ. По отношению же к наказным атаманам Н. А. Маслаковец использовал термин «общее наблюдение», возможно, предполагая, что они будут следить только за организационной составляющей исследований, оставив подготовку программ и собственно исследования историкам. В любом случае на первом этапе написания истории казачества функции Военного министерства должны были сводиться к тому, чтобы лично министр утвердил лиц, избранных атаманами для написания истории вверенных им войск, а начальник Главного управления Казачьих войск, с одобрения того же министра, направлял на места некие «общие руководящие начала» и «указания по исполнению» исследовательских работ¹⁰⁴.

Наказные атаманы получили почти полную власть над авторами «исторических описаний». Если мы снова обратимся к донскому примеру, то увидим, что инициатива начать работы не в хронологическом порядке, но с периода 1775–1818 гг., к которому относилась и Отечественная война 1812 г., текст о которой и был создан в итоге, принадлежала атаману Ф. Ф. Таубе. Его преемник П. И. Мищенко вообще настаивал на включении в уже готовящуюся книгу обзора политического положения Европы накануне вторжения Наполеона в Россию — обзора, не имеющего никакого отношения к первоначальному заданию Военного министерства¹⁰⁵. В конечном счете содержание программ «исторических описаний» все равно определялось чиновниками, а не историками-профессионалами, как рассчитывал Н. А. Маслаковец, причем если подобное вмешательство Главного управления Казачьих войск могло обеспечить хотя бы определенное тематическое и методологическое единство отдельных частей правительственного проекта (и, возможно, с учетом

¹⁰³ Там же. Л. 41.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... С. 122–124.

научной деятельности П. О. Щербова-Нефедовича, минимальную степень их научности), то вмешательство членов войсковых администраций только увеличивало разноречивость требований к текстам и отдаляло их авторов от первоначально заявленных целей работы.

К сожалению, детали реакции начальства на доклад Н. А. Маслаковца нам не известны. Впрочем, стоит отметить, что изначально генерал предполагал, что его доклад будет передан непосредственно А. Н. Куропаткину. Однако уже по ходу написания черновика в него были внесены изменения. Обращение «Военному Министру» было зачеркнуто и вместо него проставлено «По Главному Управлению Казачьих войск»¹⁰⁶. Таким образом, первым высокопоставленным читателем текста Н. А. Маслаковца был не А. Н. Куропаткин, а П. О. Щербов-Нефедович. Трудно сказать, он не заметил многочисленных слабых мест предлагаемых «оснований» или просто был удовлетворен тем, что эти «основания» на неопределенный срок перекладывали основную тяжесть ведения исследовательских работ на наказных атаманов и избранных ими авторов. В любом случае идеи Н. А. Маслаковца были им одобрены и транслированы дальше, в Военный совет. И уже в конце того же 1902 г. задача написания истории отдельных казачьих войск была поставлена перед наказными атаманами, причем в полном соответствии с «основаниями», разработанными генералом. Распоряжения, направленные в казачьи войска, в некоторых местах совпадали с его докладом дословно: так, важнейшими вопросами, обязательными к освящению, в них значились «казаки как колонизаторы, как охранители государственных границ и православной веры» и «казаки как вооруженные силы государства», а в число второстепенных вопросов были включены такие, как «самобытно ли развивалось войско», «однороден ли племенной состав его» и «чем обуславливается порядок землевладения»¹⁰⁷. Некомпетентный и полный недостатков проект официальной истории казачества начали пытаться воплощать в жизнь. Но с учетом отмеченных выше недостатков этот процесс с самого начала был обречен на неудачу, не случайно ни в одном казачьем войске местная история так и не была написана...

Попытка Военного министерства написать официальную историю казачества в начале XX в. была амбициозным и ярким, но изначально имеющим мало шансов на успех предприятием. Группа генералов, не представляющих особенностей методики исторического исследования и не знающих современного им положения дел в казачьей историографии, попытались, если можно так выразиться, перескочить через несколько ступенек эволюционного развития науки, перейти от немногочисленных любительских историко-статистических описаний казачьих войск сразу к обобщающему фундаментальному циклу научных исследований по всей истории российского казачества — циклу, который не написан до сих пор. Только офицеры Главного управления Казачьих войск, которое возглавлял профессиональный статистик П. О. Щербов-Нефедович, настаивали на проведении подготовительных работ, необходимых для достижения этой цели. Но и военный министр А. Н. Куропаткин, и члены Военного совета не хотели тратить время и деньги на подготовку, зато желали сразу получить «исторические описания».

¹⁰⁶ Маслаковец Н. А. Доклад военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину... Л. 1.

¹⁰⁷ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... С. 117–118.

Итак, первой причиной, обрекшей на неудачу правительственный проект, был личностный фактор. Руководство Военного министерства состояло из людей, не компетентных в исторических вопросах, и, к сожалению, далеко не все из них понимали это. Н. А. Маслаковец, которому в итоге выпало подготовить «основания» для официальной истории казачества, несколько десятилетий назад изучал в качестве историка-любителя прошлое казачьих войск. Судя по содержанию его доклада, генерал считал, что разбирается в исторической науке. Однако на практике предложенные им организационные и концептуальные решения показали себя очень слабыми, и именно это, на наш взгляд, обрекало на неудачу правительственный проект. Впрочем, найти подходящую кандидатуру для составления программы официальной истории казачьих войск оказалось в принципе крайне проблематично, поскольку не было авторитетных и профессиональных историков-казачеведов. Тем не менее доклад генерала предполагал, что историю каждого казачьего войска будет писать не просто профессионал, но профессионал, хорошо владеющий материалом уже на начало исследования и к тому же обладающий литературным даром. В итоге проблемы с личностным фактором сыграли свою роль сразу на двух уровнях: с одной стороны, правительственный проект возглавили абсолютно некомпетентные люди, а с другой — к исполнителям на местах были предъявлены настолько высокие требования, что найти отвечающих им историков не представлялось возможным. И тут в дело вступал организационный фактор. Компенсировать отсутствие подготовленных авторов для «исторических описаний» можно было за счет проведения подготовительной работы, но как раз необходимость такой работы Н. А. Маслаковец вслед за своим начальством отрицал. При этом генерал делал ставку на личные качества авторов и старался минимально связывать их государственным контролем и регламентированием. В итоге оказались не проработаны и принципы организации работ, и сроки их выполнения, и формы текущего контроля, и, самое главное, четкие критерии оценки создаваемых текстов. Фактически центральный аппарат Военного министерства дал задание наказным атаманам найти подходящих авторов для написания истории казачьих войск и «наблюдать» за их работами, а затем только утверждал принятые на местах решения. В результате каждое войско писало свою историю самостоятельно, притом что на местах найти исполнителя для такого заказа было еще сложнее, чем в Санкт-Петербурге. Работу исполнителей все равно необходимо было как-то организовать, чем пытались заниматься местные власти и статистические комитеты, среди представителей которых, разумеется, почти не было профессиональных историков. Это порождало интриги, — например, когда донские краеведы выступили против приглашения В. О. Ключевского для написания истории местного казачьего войска. Но, самое главное, к каждому «историческому описанию» наказные атаманы прилагали совершенно особые, уникальные требования.

Из изложенного выше понятно, что с организационными проблемами в ходе написания официальной истории казачества тесно переплетались проблемы концептуальные. Теоретически в единый цикл разрозненные труды по истории казачьих войск должны были объединяться благодаря наличию «общего исторического взгляда» на прошлое. Однако на практике предложенная Н. А. Маслаковцом концепция казаков-воинов носила скорее публицистический характер, и в нее не укладывались многие факты, особенно относящиеся к XVIII и XIX вв. Даже в рамках

своего доклада генерал не сумел продемонстрировать возможность применения своей концепции к конкретному историческому материалу. Что еще хуже, его концепция плохо соответствовала самому жанру научного исследования. Н. А. Маслаковец требовал от историков подтвердить его идею о преимущественно военном предназначении казачества, а не проводить независимые исторические изыскания. На наш взгляд, концепция военного чиновника могла быть реализована только в публицистическом тексте, но Военное министерство ожидало текста научного. В итоге авторы работ по истории различных казачьих войск оказывались в своеобразной ловушке: от них требовалось и написать труды, соответствующие последним достижениям исторической науки, и не выйти за рамки представлений об историческом исследовании историка-любителя, чьи воззрения на науку устарели минимум на полвека.

Если подвести итог всему изложенному одной фразой, то она будет звучать так: Военное министерство попыталось за счет своих ресурсов¹⁰⁸ компенсировать отсутствие объективных предпосылок для воплощения в жизнь научного проекта, детали которого высокопоставленные чиновники не слишком четко представляли. И провал этой попытки был закономерен, особенно если учесть многочисленные неудачные решения, предложенные Н. И. Маслаковцом при составлении «оснований» для истории казачьих войск.

References

- Chuikov O. E., Gordeev I. A., Batyrov V. V. The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century. *Bylye gody*, 2016, vol. 41, iss. 3, pp. 675–687. (In Russian)
- Kornienko B. S. *Pravyi Don: kazaki i ideologija natsionalizma (1909–1914)*. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Press, 2013, 232 p. (In Russian)
- Maksimov K. N. *Kalmyki v sostave donsogo kazachestva (XVII — seredina XX v.)*. Rostov on Don, Juzhnyi nauchnyi centr Rossijskoj akademii nauk Publ., 2016, 576 p. (In Russian)
- Peretyatko A. Y. “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Pt I. *Bylye gody*, 2017, vol. 45, iss. 3, pp. 937–948. (In Russian)
- Peretyatko A. Y. The Importance of “Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for This Military Service Exemptions and Privileges” of N. I. Krasnov in The Legacy of the Author, and Social-Political Life of The Don 1860. *History and Historians in the Context of the Time*, 2017, 15(1), pp. 4–22. (In Russian)
- Peretyatko A. Y. K voprosu o trebovaniiah voiskovykh vlastei k oficial'noi istorii donsogo kazachestva v nachale XX veka. *Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshtejna i aktual'nye problemy razvitiia is-*

¹⁰⁸ Н. А. Маслаковец несколько месяцев работал над своим проектом, получая полный оклад и не выполняя других обязанностей, а когда дело дошло до казачьих войск, деньги стали тратиться очень широко. На Дону, например, на копирование документов, оклады историку П. Х. Попову и его помощникам и другие экстраординарные расходы Военный Совет истратил около 20 тыс. руб. — огромную по тем временам сумму, а не была описана даже война 1812 г. Тогда и было решено свернуть работы по проекту. Упомянутый краевед А. А. Кириллов, работавший на окладе и получивший гонорар, вызвался помочь в написании разделов по истории церкви на Дону, но потребовал купить у него собранную им коллекцию документов, которую он планировал использовать при написании данных разделов. Этого не случилось только потому, что кончились основные ассигнования, и атаман П. И. Мищенко обратился в Военный Совет за новыми, а там потребовали предъявить то, что написано за уже выделенные деньги. Подробно эти события изложены в «Деле по составлению Истории Войска Донского. Часть вторая» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 649).

- toricheskoi nauki*. Eds M. D. Rozin, D. V. Sen', N. A. Trapsh. Rostov on Don, "Fond nauki i obrazovaniia" Publ., 2014, pp. 415–422. (In Russian)
- Peretyatko A. Y. The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N. I. Krasnov, B. Katalinich). Pt I. *Voennyi sbornik*, 2016, vol. 12, iss. 2, pp. 79–99. (In Russian)
- Semenov V. G., Semenova V. P. *Gubernatory Orenburgskogo kraia*. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izd-vo, 1999, 400 p. (In Russian)
- Sen' D. V. Arhiv Voiska Donskogo i istoriia voiskovogo deloproizvodstva: aktual'nye voprosy izucheniia. *Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshtejna i aktual'nye problemy razvitiia istoricheskoi nauki*. Eds M. D. Rozin, D. V. Sen', N. A. Trapsh. Rostov on Don, "Fond nauki i obrazovaniia" Publ., 2014, pp. 479–488. (In Russian)
- Sen' D. V. Arhiv Voiska Donskogo i problemy izucheniia voiskovogo deloproizvodstva. *Vspomogatel'nye i special'nye nauki istorii v XX — nachale XXI v.: prizvanie, tvorchestvo, obshhestvennoe sluzhenie istorika*. Moscow, Russian State Humanities University Press, 2014, pp. 334–337. (In Russian)
- Skorik A. P. *Miliutinskii kazachii iurt: opyt istoricheskoi rekonstrukcii*. Novocherkassk, Lik Publ., 2015, 1184 p. (In Russian)
- Volvenko A. A. D. A. Milyutin and Cossacks. *Bylye gody*, 2016, vol. 40, iss. 2, pp. 398–411. (In Russian)
- Volvenko A. A. Kak donskim kazakam istoriiu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaia administratsiia (1902–1912 gg.). *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*. Eds A. V. Gladyshev, B. B. Dubentsov. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2006, pp. 115–125. (In Russian)
- Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya starina*, 2015, vol. 13, iss. 1, pp. 19–37. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 января 2018 г.
Рекомендована в печать 30 марта 2018 г.